

ALEKSANDER KIKLEWICZ
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК
ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?
О ПРЕДМЕТЕ И ГРАНИЦАХ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (I)

ВВЕДЕНИЕ

Хотя исследования в области лингвокультурологии занимают скромное место в общем массиве лингвистических публикаций (в базе ИНИОН имеется 5020 библиографических позиций, относящихся к этой дисциплине, что составляет только 2,36%¹), нельзя отрицать, что исследования этого направления в последние десятилетия стали более заметными, особенно в России и Польше, а также в среднеазиатских странах, например, в Казахстане. Это находит отражение в тематике научных конференций, диссертаций, в грантовой политике, в перепрофилировании академических программ и др.

Каждому новому направлению в науке свойствен радикализм: установка на «бурю и натиск» исключает амбивалентный подход к решению проблем, не оставляет места для разного рода «но», т.е. понимания границ применимости «своего» метода и возможности применения альтернативных способов категоризации исследуемой предметной области. Подобная ситуация — ее вслед за Юрием Н. Карауловым можно квалифицировать как гипостазирование — наблюдается и в области лин-

¹ В связи с этим следует признать необоснованными высказывания представителей лингвокультурологии о ведущей роли данного направления в современном языкознании — ср. утверждение о «когнитивно-концептуальной парадигме в лингвистике» в монографии Марии Л. Ковшовой (2013: 47).

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

Лингвокультурологии: культурный компонент в содержании языковой номинации и языковой сочетаемости представляет собой своего рода антиципию, т.е. практически не подвергается процедуре верификации. Во многих случаях такая верификация (вследствие недоступности эмпирического исследования такого сложного феномена, как культура²) вряд ли возможна, что с точки зрения теории фальсификации Карла Поппера свидетельствует о псевдонаучности самой постановки проблемы³.

В дальнейшем будет показано, что культурная маркированность языковых единиц разного формата и их функций неоднородна, а связь языка с культурой слишком сложна, чтобы все прецедентные ситуации можно было «упаковать» в небольшой набор простых схем, вроде категории стереотипов.

1. КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

Караулов (1989: 3) пишет, что в свете методологии структурализма «за каждым текстом стоит система языка», тогда как главный постулат антропологического языкознания звучит: «За каждым текстом стоит языковая личность». Антропологический подход к языку состоит в том, что языковые единицы (а также категории) и типы их сочетаемости рассматриваются с точки зрения интенциональности языковых субъектов (структурализм, как известно, базировался на понятии системно, т.е. имманентно обусловленности значимости, понимаемой как совокупность дифференциальных признаков каждой единицы). По мнению лингвокультурологов (в том числе и так называемых этнолингвистов), в языке находят отражение разного

² В теории конструктивизма понятие культуры отсутствует — исследователи оперируют категорией «социальная система» или родственными ей категориями (см. например: Fleischer 2006: 292 сл.).

³ Парадоксальным является факт, что, изучая культурный компонент языковой деятельности, лингвисты, как правило, не обращаются к социологическим, культурологическим и антропологическим источникам, не говоря об отсутствии самостоятельных социолингвистических исследований, на что Вильгельм Вундт сетовал еще в начале прошлого столетия. Вундт писал, что в отличие от экспериментальной психологии этнопсихология пользуется методом «чистого наблюдения» („reine Beobachtung“) (1907: 29). В результате применения скудного, если не примитивного, исследовательского аппарата культура, которая упоминается при любом удобном случае, в работах лингвокультурологов оказывается полупустым, спекулятивным понятием.

рода установки его носителей. Поскольку считается, что эти установки (а также ментальные, эмоциональные и др. состояния) опосредованы культурой, т.е. культурно запрограммированы (понятие культурной запрограммированности находим в теории Геерта Хофстеде, см.: Hofstede 2007: 16 сл.), то язык рассматривается как репрезентация культуры. Приблизительно в таком духе пишет Мария Л. Ковшова:

Культура [...] понимается нами как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов, или вторичных знаковых систем, в которых используются разные материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов (2013: 70).

Если вчитаться в приведенную цитату, возникает много вопросов. Что, например, означает слово *пространство* — имеется ли в виду *система*, а может быть, *совокупность* культурных смыслов? Пространство ведь некоторым образом окружает человека, а культура — дело его рук и, больше того, социальная действительность с непосредственным участием человека.

Далее: *культурные смыслы и ценностное содержание*⁴. Смысл и содержание, как известно, может быть *у чего-то: смысл слова, смысл жизни, смысл творчества, содержание рассказа*. Ковшова оставляет этот важнейший атрибутивный элемент за рамками определения культуры. При этом мы понимаем, что речь, скорее всего, идет о культурных смыслах языковых знаков — значит, культура сводится к репрезентирующим ее знаковым кодам, без них не мыслится. Такой подход к пониманию культуры является филологическим, лингвоцентрическим и, разумеется, никак не исчерпывает понятия культуры — достаточно обратиться к таким авторитетным источникам, как книга Альфреда Кробера и Клайда Клухона

⁴ Леонид М. Баткин также пишет: «В культуре не содержится ничего, кроме смыслов (и способов передачи)» (1985: 304). Подобное утверждение находим у Дмитрия Б. Гудкова, «единицы как реального, так и акционального кода культуры могут вербализоваться. [...] Именно это и позволяет нам рассматривать вербальный код культуры как базовый» (2005: 26). Гудков поэтому считает возможным при изучении культурных кодов ограничиться лингвистическим анализом: «В дальнейшем, рассматривая культурные коды, мы будем иметь в виду разные „подвиды“ вербального кода. Иными словами, анализируя единицы, скажем, природно-ландшафтного кода, мы имеем в виду не собственно совокупность природных объектов окружающего мира, а совокупность имен этих объектов» (там же: 27).

(Kroeber/Kluckhohn 1952; см. также ее аналитический разбор: Boroch 2013: 13 сл.).

Когда говорят о связи между языком и культурой, обычно не уточняется, какой тип культуры имеется в виду. Лингвокультурологи представляют культуру как обобщенное и в значительной степени однородное явление, что никоим образом не соответствует действительности⁵. Культура, на самом деле, не однородна — и в исторической ретроспективе, и на каждом синхроническом срезе⁶ (см. Павлова 2013: 175 сл.). Так, американский историк науки и публицист Майкл Шермер в статье *Muf o neravenstve dohodov (The American Dream of Income Equality Still Lives)*, опубликованной в журнале „Scientific American” (2014/VII), пишет о расхождении между обыденным представлением американцев, что пропасть между богатыми и бедными растет, и объективными фактами, которые указывают на то, что в действительности это различие постепенно стирается — в доказательство своего тезиса Шермер приводит конкретные и вполне убедительные статистические факты. В рамках одной и той же культуры, как видим, функционируют две альтернативные системы социальных отношений: реальная и интенциональная.

Анна В. Павлова и Михаил В. Безродный (2013: 130) указывают на другое культурное противоречие: по наблюдению немецкого слависта Хельмута Яхнова, вознесение в советское время русского языка плохо согласовывалось с марксистской идеей дружбы народов.

Именно поэтому и в языке отражены разные «культурные смыслы», в том числе и взаимно исключающиеся, а также не име-

⁵ Например, проф. Моника Платэк на страницах еженедельника «Przegląd» (2014/36) пишет о необъективном, одностороннем представлении истории в польских школьных учебниках, в которых, по ее словам, на первом плане стоят монархи, проигранные битвы и войны, мужские фамилии, памятники и портреты. Такой образ истории, по ее мнению, противоречит действительности.

⁶ Ср., например, деревенскую и городскую формы религиозности (со своими системами культов), о которых пишет Анджей Драгула в еженедельнике «Tygodnik Powszechny» (2014, №29). В том же номере газеты опубликовано интервью со Стивеном Д. Муллом, послом США в Польше, который комментирует сделанные в июне 2014 года в неофициальной обстановке критические замечания министра иностранных дел Польши Радослава Сикорского на тему польско-американских отношений. Мулл считает, что приватные высказывания Сикорского нельзя интерпретировать однозначно, так как каждый человек является носителем сразу несколько, иногда противоположных точек зрения, формирующихся в разных ситуациях жизни.

ющие прямого взаимодействия в рамках одной и той же культурной ситуации. В связи с этим в работе: Kiklewicz/Wilczewski 2011: 174, упоминается конфликт источников, лежащих в основе лингвокультурологических рефлексий. Разные языковые и текстовые источники (внутренняя форма знака, его история, его сочетаемость, его частота, его аксиологический фон и др.) содержат в себе разные «культурные смыслы» — одно и то же явление с точки зрения языковых фактов представлено несколькими образами. Культурная семантика языка поэтому оказывается компликативной. Примером может послужить статья польского историка Романа Юрковского (Jurkowski: в печати), в которой автор отмечает расхождения в содержании польских и русских источников, свидетельствующих о жизни и деятельности Петра Столыпина в Ковенской губернии в 1889–1911 годы. С одной стороны, в дневниках и воспоминаниях польских дворян утверждается, что они избегали контактов с русским населением Западного края, особенно с чиновниками и представителями государственной администрации. С другой стороны, в письмах, дневниках и воспоминаниях родных и близких Столыпина можно прочесть о его тесных контактах с многими представителями польского дворянства: Кудревичем, Коморовским, Дулевичем, Кунатом, Огинским и др. Имеются также свидетельства того, что поляки искали у Столыпина поддержки, протекции и нередко ее получали.

Другой пример — интервью с известным британским историком Энтони Бивором на страницах польского еженедельника «Tygodnik Powszechny» (10.03.2013), в котором приводится следующий факт: разные текстовые жанры (источник исторической информации) влияют на характер представления действительности. Из наблюдений Бивора следует, что при изучении военной истории в большей степени следует доверять дневникам, которые писались «для себя», чем, например, письмам с фронта, которые адресовались близким, поэтому пишущий в какой-то мере приукрашивал действительность, не желая тревожить семью. Бивор заметил также, что дневники женщин более искренни и правдивы, чем дневники мужчин.

Из вышеизложенного следует вывод о бесполезности постановки такой задачи, как описание языковой картины мира — никакой единой картины нет. Павлова и Безродный пишут, что теория Анны Вежбицкой о ключевых словах национальных

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

культур вызывает у западных лингвистов «впечатление анахроничности и маргинальности», в частности, из-за того, что «материалом для анализа служат не однородные и представительные по объему речевые массивы, а единичные и предвзято отобраные примеры из разных по типу дискурса и времени источников» (2013: 144). По отношению к «конструктам Вежибицкой» критически высказывается и Валерий М. Мокиенко: «Общая методологическая особенность многих исследований такого рода — глобальность выводов, построенных на неадекватном сопоставлении фактов или вообще отсутствие сопоставительного фона» (2007: 50).

Из наблюдений Алексея Д. Шмелева (хотя он и является сторонником этнолингвистического подхода) вытекает, что, хотя темпоральная ориентация часто описывается в русском языке с помощью пространственной ориентации, однако «русский язык дает нам два противоположных способа установления аналогии между временем и пространством» (2002: 38). С одной стороны, языковые конструкции представляют мир неподвижным, а время — движущимся («текущим», «идушим»); «при таком подходе то, что было раньше, воспринимается как идущее впереди, *предшествующее*, а то, что должно произойти позже, — как идущее следом, *следующее*» (там же: 39), ср. примеры:

время идет
пришло время
предыдущий день
следующее воскресенье
прошедший год

С другой стороны, в русском языке представлен и другой образ времени, в котором время неподвижно, а «человек [...] движется через него в направлении от прошлого к будущему». В этом случае более раннее находится сзади, а будущее, более позднее — впереди:

самое страшное уже позади
нас ждут приключения
перед Новым годом
после свадьбы

Амбивалентный характер имеют и процессы семантической деривации, по которым трудно установить какую-то общую,

единую картину ментальной категоризации действительности (см. Киклевич 2007: 58). Метафорические проекции значительно варьируются, поэтому их нельзя возвести к одной культурной модели, ср. выражения с существительным *авторитет*:

пользоваться авторитетом [АВТОРИТЕТ — ЭТО ПОЛЕЗНЫЙ ПРЕДМЕТ]

заработать авторитет [АВТОРИТЕТ — ЭТО ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ, ЦЕННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ]

авторитет лопнул [АВТОРИТЕТ — ЭТО ШАР]

дешевый авторитет [АВТОРИТЕТ — ЭТО ТОВАР]

потерять авторитет [АВТОРИТЕТ — ЭТО ВЕЩЬ]

Свидетельства того, что языковая система отражает определенные формы культурной жизни и определенные фрагменты культурной картины мира, мы находим в области функционирования слов. Казалось бы, частотность однозначного слова — прямое следствие того, как воспринимается соответствующий референт представителями данного культурного сообщества. Если сравнить с этой точки зрения названия деревьев, то окажется (я пользуюсь данными словаря под редакцией Людмилы Н. Засориной), что *береза* имеет общую частоту 36, *сосна* — 24, *пальма* — 17, а *магнолия* — 1. Эти лингвистические данные можно с определенной достоверностью интерпретировать со ссылкой на культурные стереотипы носителей русского языка. Возможности такой интерпретации, однако, весьма ограничены. Авторы электронного корпуса польского языка PWN в своей информационной брошюре (в специальном разделе *Частотность и языковая картина мира*) пишут о расхождениях, которые возникают между обыденными представлениями о референтах слов и частотой их употребления в текстах. Так, хотя статистические данные указывают, что поляки больше потребляют чая, чем кофе, электронный корпус представляет противоположную картину: существительное *kawa* ‘кофе’ встречается в два раза чаще, чем существительное *herbata* ‘чай’. Это говорит о том, что языковая система отражает особый тип культурного восприятия мира, в котором *kawa* функционирует не столько как напиток, сколько как атрибут времяпровождения, дружеской встречи, приятной беседы и т.п.

На подобное противоречие мы наталкиваемся при анализе данных о частоте польских названий домашних животных. Когда у носителей польского языка спрашиваешь, какое слово из

этого ряда, по их мнению, самое частое, обычно звучит ответ: *pies* 'собака' или *kot* 'кошка'. Данные же словаря (Kurcz i in. 1990) представляют совсем другую картину: 1) *koń* 'лошадь' (72); 2) *kot* 'кошка' (65); 3) *krowa* 'корова' (60); 4) *kura* 'курица' (60); 5) *owca* 'овца' (55); 6) *pies* 'собака' (50); 7) *świnia* 'свинья' (50); 8) *kaczka* 'утка' (48); 9) *wół* 'вол' (45); 10) *koza* 'коза' (37).

В том же словаре можно найти данные о частотности существительных *kobieta* 'женщина' и *mężczyzna* 'мужчина'. Мужчины, как известно, играют в общественной жизни ведущую роль, к тому же польская культура, по данным Хофстеде (Hofstede 2007: 134), относится к числу тех, в которых доминируют мужские ценности — Польша по этому признаку занимает низкое 58-е место среди 74 исследованных стран мира⁷. В то же время существительное *kobieta* имеет общую частоту 250, а существительное *mężczyzna* — 110, т.е. более чем в два раза меньше.

Евгений В. Зарецкий пишет: «Мы не считаем частотность лексики серьезным доказательством особенностей менталитета» (2008: 230). В качестве одного из доказательств ученый приводит результаты сравнительного анализа выбранных семантических групп в частотных словарях разных языков:

Иногда частотность лексем противоречит широко распространенным утверждениям культурологов. Например, известно, сколь часто русским приписываются особое раболепие, покорность, отсутствие всякого свободолюбия. Но, тем не менее [...] на 500 самых частых лексем-существительных английского, немецкого и русского языков не приходится ни англ. *freedom*, ни англ. *liberty*, ни нем. *Freiheit*, зато в том же списке встречаются и *воля*, и *свобода*. [...] Из этого российские культурологи могли бы сделать соответствующие выводы о раболепии и нелюбви к свободе немцев и англичан (2008: 441).

Значит, языковая система и речевая деятельность не сводится прямым образом к отражению реальных социальных отношений и осознаваемых носителями языка категорий восприятия действительности — если такое отражение и имеет место, то задействованными оказываются специфические факторы, недоступные на уровне анализа «психологии народа», как это понимается теоретиками современной лингвокультурологии. Когда Людвиг Витгенштейн писал, что понять высказывание можно только с учетом той языковой игры, в которой оно использует-

⁷ У России, кстати, 12-е место, хотя эти данные справедливо оспариваются, см.: Зарецкий 2008: 480.

ся (Wittgenstein 2001: 162 [punkt 136]), то он имел в виду скорее частные, окказиональные обстоятельства речевой деятельности, а не общие, глобальные директивы культуры (об этом см. также: Travis 1989: 326)⁸.

Эту мысль можно проиллюстрировать детским стихотворением Марты Вишневой *Егор и Трезор* («Мурзилка» 1981/11):

Вышел бы Егор во двор,
Только трусит:
У крыльца щенок Трезор,
Вдруг укусит?

Хочет в дом войти Трезор,
Только видит:
У окна сидит Егор,
Вдруг обидит?

Как видим, объективное положение дел (Егор и Трезор не собираются угрожать друг другу) кардинально отличается от субъективных установок героев: каждый считает себя потенциальной жертвой. Эта ситуация совершенно типична. Для нее характерно несовпадение картин мира: объективной и субъективной («реальной» и «идеальной» в терминах Питера Бергера и Томаса Лукмана, о чем подробнее речь пойдет в следующем разделе). Лингвист, стремящийся описать культурную обусловленность языковой системы и речевой деятельности, должен учитывать оба аспекта, хотя содержание соответствующих «культурных смыслов» может принципиально отличаться и не укладываться в единую концептуальную систему.

В основе лингвокультурологического подхода лежит идея социологии знания о том, что концептуализация действительности («культурные смыслы») обусловлена социальными условиями деятельности познающих субъектов; с другой стороны, культурно значимая информация получает отражение в языковых знаках, что в совокупности укладывается в следующую цепочку:

социальная действительность > знание > язык.

⁸ В связи с этим можно привести цитату из работы Уильяма Джемса, создателя теории функционального прагматизма: «Мое мышление всегда связано с деятельностью, а действовать я могу лишь в одном направлении. [...] В данную минуту для меня, пока я пишу эту главу, способность подбора фактов и умение сосредоточивать внимание на известных сторонах явления представляется сущностью человеческого ума. В других главах иные свойства казались и будут казаться мне наиболее существенными сторонами человеческого духа» (1981: 15).

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

В социологии одним из первых эту идею высказал Макс Шелер (Scheler 1926: 20 сл.; см. также: Henckmann 1998: 185), который писал о необходимости изучения социальных условий, в частности, социальных ценностных перспектив («soziale Interessenperspektive»), в которых знания не только формируются, но также получают общее признание и распространение — ср. его понятие социальных форм духовной кооперации («soziale Formen der geistigen Kooperation»). Благодаря социальному фактору все формы коллективного сознания подводятся под общий знаменатель, т.е. социально обусловленную деятельность субъектов, хотя одновременно Шелер видел и вторую сторону этого процесса — он писал, что коллективное знание (а также сознание) является фактором, способствующим социальной интеграции (1926: 47).

Идеи Шелера легли в основу социологии знания. Бергер и Лукман, общепризнанные авторитеты в этой области, пишут:

Поскольку всякое человеческое «знание» развивается, передается и сохраняется в социальных ситуациях, социология знания должна попытаться понять процессы, посредством которых это происходит и в результате чего «знание» становится само собой разумеющейся «реальностью» для рядового человека. [...] Социология знания имеет дело с анализом социального конструирования реальности (1995: 14).

Согласно Бергеру и Лукману, язык представляет собой одну из форм объективации знания (в том числе и «человеческой экспрессивности»), при этом языковой знак «отличается от других объективаций своей явной и нтенцией быть показателем субъективных значений» (1995: 63; разрядка — А.К.).

Разумеется, в связи с рассмотрением данной проблематики нельзя не упомянуть вклад немецкой школы неогумбольдтианства, в частности, Лео Вайсгербера, который (на что обратил внимание Олег Радченко, см. 1992: 1999 сл.), не только писал, что в рамках одного культурного сообщества культивируется (относительно) единая картина мира («Weltbild»), но и подчеркивал ее идиосинкратический характер: единство взглядов, убеждений, оценок ограничено, преимущественно, рамками одного поколения⁹.

⁹ Относительность, изменчивость культурно обусловленного знания массово, однако, не осознается. Как пишут Бергер и Лукман, принятый в данном обществе порядок концептуализации действительности «связан с опреде-

У истоков этого направления в европейском языкознании лежит разработанная Вундтом этнопсихология. Немецкий ученый, как известно, занимал позицию антропологического детерминизма, будучи убежденным, что культурно-исторически обусловленные продукты духовной деятельности людей находят отражение в трех формах: языке, мифах и обычаях (Wundt 1907: 28–29; Вундт 1912/2014). Вундт подчеркивал, что индивидуальные духовные переживания опосредованы фактом принадлежности их субъектов к сообществу, что дает, по его мнению, основание для того, чтобы видеть в языке, мифах и обычаях проявление психологии народа (или национального менталитета, как принято выражаться сегодня).

Обусловленность языка коллективным сознанием и формами социальной жизни является основанием для его рассмотрения как источника культурологических и антропологических исследований. Именно как объект социокультурной реконструкции язык, по мнению Эдварда Сепира, должен интересовать представителей общественных наук. Выдающийся американский лингвист и антрополог писал:

Язык — это путеводитель в «социальной действительности». [...] Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе (1993: 261).

Это высказывание Сепира часто приводится сторонниками антропологического метода в языкознании, хотя в действительности Сепир имел в виду социальные науки:

Для решения наиболее фундаментальных проблем человеческой культуры знание языковых механизмов и понимание процесса исторического развития языка, несомненно, становится тем более важным, чем более изолированными становятся наши исследования в области социального поведения человека. Именно поэтому мы можем считать язык символическим руководством к пониманию культуры (1993: 262).

Напротив (как подчеркивается, например, в работе: Kiklewicz 2011: 335 сл.), рассматривая язык с лингвистической точки зре-

ленной социально-исторической ситуацией», но «кажется индивиду естественным способом видения мира». В связи с этим исследователи ссылаются на предложенное Шелером понятие «относительно-естественного мировоззрения» („relativnaturalische Weltanschauung“), которое является центральным в социологии знания.

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

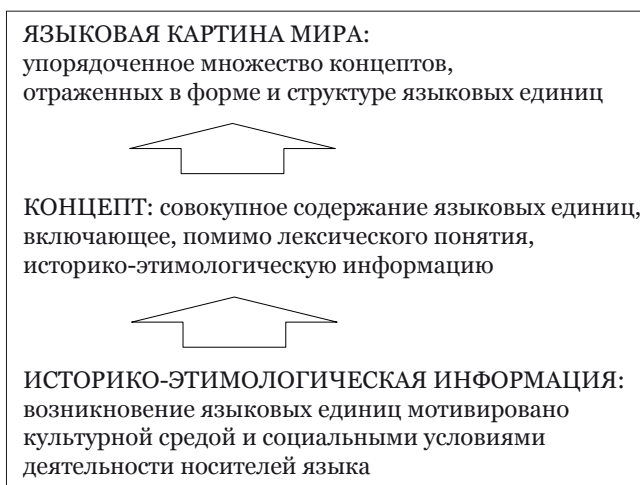
ния, Сепир был решительным противником социокультурного детерминизма, на что сегодня практически не обращается внимания. Позицию Сепира достаточно однозначно представляет следующее его утверждение:

Кроме отражения реалий среды в словаре, в самом языке не существует ничего такого, что можно было бы поставить в зависимость от этих (т.е. социальных, культурных — А.К.) реалий. [...] Изменения в сфере культуры не параллельны языковым изменениям и, следовательно, они не находятся в причинно-следственных отношениях друг с другом (1993: 281).

Эта идея позднее была развита Руди Келлером в его теории «невидимой руки» (1997: 116 сл.). Подробнее об этом — в следующем пункте.

2. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: ПРИНЦИП РЕГУЛЯТИВНОСТИ

Культурологическая проблематика в современной лингвистике, в общем, касается трех аспектов: 1) историко-этимологической информации (с помощью которой объясняется возникновение лексем и фразеологизмов); 2) (культурно специфических) концептов; 3) языковой картины мира. Обычно они рассматриваются порознь, хотя их можно представить как элементы единой системы:



Теоретические основы лингвокультурологии, как и применяемые на практике методы, а также исследовательские результа-

ты неоднократно подвергались критике (Зарецкий 2008; Мокиенко 2007; Павлова 2013; Gut 2009; Hansen 2006; Kiklewicz 2010; Kiklewicz/Wilczewski 2011; Mańczyk 1982; Тутра 2013 и др.) — возвращаться к этому нет смысла. Представляется, однако, важным показать глубинный источник недоразумений, возникающих при описании отношений между языком и культурой.

Лингвокультурология базируется на представлении о том, что формы и структуры языкового поведения интенциональны — отражают ментальные, социальные, функциональные и др. установки и состояния субъектов, а также конвенциональны — опосредованы общепринятыми в данной социальной группе нормами социального поведения и типами ментальной репрезентации внешнего мира — «психологией народа» (в терминологии Вильгельма Вундта).

Это первое и в каком-то смысле самое важное звено в системе лингвокультурологических представлений на поверку оказывается слабым: содержание культуры, представляющей собой систему социальных институтов, функционально упорядоченных в соответствии с необходимостью удовлетворения человеческих потребностей (на разных уровнях организации общества), а также соответствующих им ментальных форм репрезентации внешней действительности и продуктов деятельности (артефактов), только в определенной степени находит отражение в знаковых системах.

Можно считать, что это понимал уже сам Вундт, создатель теории психологии народов. Немецкий психолог писал, что используемый в этнопсихологических исследованиях метод наблюдения (см. сноску 4) недостаточно репрезентативен, так как реально наблюдаемые феномены, в принципе, представляют собой результат индивидуальной духовной деятельности, которая обусловлена константами культуры в большей или меньшей степени (Wundt 1907: 29). В связи с этим Вундт утверждал:

Психология народов должна обнимать те психические явления, которые представляют собою продукты совместного существования и взаимодействия людей. Она не может, следовательно, захватывать те области, в которых сказывается преобладающее влияние личностей, например, литературу (1912/2014).

Как видим, с точки зрения Вунда не каждый знаковый феномен «культурен», хотя это признание одновременно показывает и слабость культурологического метода: трудно себе пред-

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

ставить какой-либо рациональный, научно достоверный способ селекции культурно релевантных и культурно нерелевантных продуктов знаковой деятельности человека. Примером может послужить художественная литература. В теории литературы встречается термин «творческая типизация» (см. Фесенко 2008: 23) — таким образом определяется специфический для художественной литературы способ представления действительности: какая-то часть содержания опирается на действительные положения дел, а какая-то относится к области вымысла. Но даже и по отношению к объективному («жизненному») содержанию текста у читателя нет алгоритма, который позволил бы ему отделить информацию общего, культурного характера от информации частной, окказиональной, случайной. Например, в романе Ивана Бунина *Жизнь Арсеньева* мы читаем:

Она [Оболенская] предложила мне пойти с ней на Карачевскую, сказала, что ей там нужно зайти к белошвейке, и мне стало приятно от той близости, которую она вдруг установила между нами этим интимным предложением.

Белошвейка определяется в словаре Владимира И. Даля как ‘женщина, промышляющая шитьем белья’. Ассоциация с нижним женским бельем в тексте Бунина вызывает интимный и, видимо, эротический эффект. Остается, однако, несказанным, насколько такая мужская реакция была типична для конца XIX века и насколько типичным было поведение молодой женщины, предлагающей мужчине посетить белошвейку.

Другой пример: у Гоголя в *Мертвых душах* читаем:

В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года.

Речь идет о Манилове, которого сам автор, по словам поговорки, характеризует как «ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан». И все-таки Манилов — русский помещик. У читателя может возникнуть правомерный вопрос: насколько привычка чтения или хотя бы описанная Гоголем манерная демонстрация причастности к литературной культуре была типична для русских помещиков во второй половине XIX века? В исследовании Абрама И. Рейтблата можно прочитать о трех группах читающей публики в то время, при этом Манилова, скорее всего, следовало

бы отнести ко второй группе: «люди, имеющие некоторые более или менее совершенные научные сведения, но о многих современных идеях рассуждающие со слов других и по отрывочному собственному мнению» (2009: 19). Численность этой группы Рейтблат оценивает в 200–250 тыс. человек. Совершенно понятно, что в художественном тексте эта информация недоступна — ее лишь гипотетически можно представить в форме так называемого гипертекста, т.е. при условии целенаправленного создания текста в среде интернета¹⁰.

В повести Андрея Платонова *Ювенильное море* мы встречаем весьма специфическое восприятие женского тела:

Вермо глядел ей вслед и думал, сколько гвоздей, свечей, меди и минералов можно химически получить из тела Бестолоевой.

Культурно «продвинутый» читатель, разумеется, понимает, что восприятию женщины сопутствует здесь особый социально-культурный контекст — эпоха индустриализации в РСФСР и характерный для нее дух технократизма (присутствующий, например, в графике и живописи футуристов). Однако без этой компетентивной, в принципе — дополнительной, внешней информации приведенный фрагмент художественного текста может оставить впечатление двусмысленности: техноцентрическое восприятие женщины отражает какую-то культурную норму или же представляет собой совершенно инцидентальный феномен — специфическое мировоззрение героев Платонова?

В тексте воспоминаний Александра И. Герцена *Былое и думы* мы наталкиваемся на описание одного из жандармов:

Жандармам дают всякий царский день чарку водки. Вахмистр позволял Филимонову отказываться раз пять–шесть от своей порции и получать разом все пять–шесть; Филимонов метил на деревянную бирку, сколько стаканчиков пропущено, и в самые большие праздники отправлялся за ними. Водку эту он выливал в миску, крошил в нее хлеб и ел ложкой. После такой закуски он закуривал большую трубку на крошечном чубучке. [...] Куря, он укладывался на небольшом окне, — стула в солдатской комнате не было, — согнувшись в три погибели, и пел песню: «Вышли девки на лужок, где муравка и цветок». По мере того как он пьянел, он иначе произносил слово *цветок*: «тветок», «кветок», «хветок», дойдя до «хветок», он засыпал. Каково здоровье человека, с лишком шестидесяти лет, два раза раненного и который выносил такие завтраки?

¹⁰ О возможностях так называемой сетевой литературы см.: Кузнецов 1999.

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

Опять возникают вопросы: насколько описанный Герценом персонаж типичен? Было ли пьянство массовым среди жандармов в России второй половины XIX века? Отличались ли они отменным здоровьем, каким мог похвастаться Филимонов?

Классическим произведениям литературы нередко приписывается обобщенный, универсальный статус, хотя в действительности большинство из них «привязано» к определенной культурной эпохе. Такой характер имеют известные строки из *Фауста* Гёте:

Grau, teurer Freund, ist alle Theorie,
und grün des Lebens goldner Baum.

Сера, мой друг, теория везде,
Златое древо жизни зеленеет¹¹.

Во-первых, нельзя не обратить внимания на странное сочетание прилагательных: *grün* ‘зеленый’ и *goldner* ‘золотой’. Трудновато представить себе дерево, одновременно зеленое и золотое. Может быть, поэтому в переводе Бориса Пастернака это противоречие устранено:

Теория, мой друг, суха,
Но зеленеет жизни древо.

Во-вторых, нельзя забывать, что *Фауст* писался в 1774–1832 гг., т.е. в расцвет немецкого романтизма. Этим и объясняется натурфилософский пафос данного афоризма, содержание которого чуждо, например, представителям аналитической философии или позитивизма.

Всей этой и подобной, культурно значимой информации в художественном тексте нет — она за текстом, но может быть приближена с помощью комментариев. Например, в книге Гилберта К. Честертон *Святой Франциск Ассизский* мы читаем:

Если есть где-нибудь в литературе чистый францисканский дух, то именно в легенде о Жонглере Богоматери. И когда Франциск называл своих последователей жонглерами Божьими, он имел в виду что-то очень близкое к этому скомороху.

¹¹ Перевод Валерия Брюсова.

Честертон имеет в виду «константу культуры» своего времени, которая может быть недоступна современным читателям, поэтому задача комментария состоит в том, чтобы раскрыть ее содержание. Специальная ссылка приводит нас к следующей информации:

Жонглер Богоматери — персонаж народной легенды. Ремесло жонглера казалось греховным, близким к язычеству. Один жонглер в старости ушел в монастырь, но там он не мог служить Богу принятым в монастыре способом, так как не умел, как другие монахи, переписывать книги и не знал молитв. Однажды, оставшись один, стоя перед иконой Богоматери, он решил порадовать Ее своим искусством. Сбежавшиеся монахи возмутились, увидев, как жонглер кувыркается перед иконой, но тут сама Богоматерь сошла к выбившемуся из сил старику и утерла ему пот.

Содержащие информацию о фактах культуры, комментарии представляют значительную ценность — неслучайно они иногда выходят отдельными изданиями, как, например, комментарии Юрия М. Лотмана к *Евгению Онегину*, комментарии Юрия И. Левина к поэме *Москва–Петушки* Виктора Ерофеева или комментарии Андрея Битова к своему же роману *Пушкинский дом*.

Вернемся к Вундту. Немецкий психолог не рассматривал художественную литературу как факт психологии народа¹², но как быть, например, с *Евгением Онегиным* Пушкина, который Белинский назвал «энциклопедией русской жизни»? Павлова и Безродный усматривают слабость теории ключевых слов национальной культуры Вежбицкой, в частности, в том, что в подтверждение выводов о русском национальном характере цитируются писатели, к тому же такие разные — Белинский и Евтушенко (2013: 144). С другой стороны, хотя мифы, фольклор и обычаи представляют типичные для данного культурного сообщества элементы мировоззрения, в некоторой степени они случайны и субъективны — культурно нерепрезентативны. Один из таких примеров рассматривался мной в предыдущей публикации (Киклевич 2014: 156 сл.), но я позволю себе повторить его.

Сюжет белорусской народной песни *Рушнікі (Полотенца)* таков: девушка по имени Алёна знакомится у реки с молодым парнем, который просит показать ему брод. Девушка отказывается

¹² В связи с этим можно сослаться на слова Пушкина о драматическом искусстве: «Самая сущность драматического искусства исключает правдоподобие» (цит. за: Фесенко 2008: 716).

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

— она занята стиркой белья. Однако по нерасторопности Алёна упускает в воду полотенце, и оно начинает уплывать. Теперь уже девушка просит парня о помощи — тот же требует за это поцелуй. Песня, в том виде, в котором ее исполнял ансамбль «Песняры», заканчивается куплетом:

Супыніўся гнеды над вярбой густой
Цалавала Лена Янку над вадой.
Стала ціха, ціха на ўсёй зямлі,
Па рацэ далёка рушнікі плылі...

Хотя с логической точки зрения поступок девушки обоснован, ведь инициатором поцелуя был Янка («Пацалуў спачатку, бо я ўтану»), но с культурной, этической точки зрения поступок молодой девушки представляется нетипичным: Алёна, даже если предположить, что по реке уплывало ее любимое полотенце, ведет себя слишком фривольно, вопреки норме традиционного поведения отличавшихся скромностью и сдержанностью белорусок. Кстати, иное, более близкое к действительности концептуальное содержание заключено в другом варианте этой песни, опубликованном в *Антологии белорусской народной песни* в 1975 г.:

Супыніўся гнеды над вярбой густой,
Цалаваў Алёну Янка над вадой...

К числу феноменов, детерминированных «психологией народа», Вундт относил также мифы. Но и здесь возникает сомнение относительно культурной маркированности текстов. Эмилия Я. Фесенко (2008: 726) пишет, что бродячие сюжеты в фольклоре разных народов появляются в результате их взаимодействия, но вряд ли это объясняет сходство сюжетов в фольклоре «неродственных» народов¹³. Фесенко ссылается на известную работу Владимира Я. Проппа, в которой сюжеты базируются на инвариантных функциях действующих лиц, но представляется мало правдоподобным, что эти функции детерминированы какой-либо определенной культурной средой (социальной системой). Сам Пропп писал, что единство композиции волшебных сказок (именно композиции, а не сюжетов!) «лежит в области ранней

¹³ Примером может служить столкновение совершенно чуждых культур, послуживших источником мифов и легенд, отраженных в содержании *Ветхого завета* (Фрезер 1986).

истории или, как некоторые предпочитают говорить, до истории» (1983: 571). «До истории» можно интерпретировать и как «вне культуры», т.е. под влиянием факторов биологического характера — неслучайно Руди Келлер, о котором речь пойдет далее, трактовал языковые изменения и биологическую эволюцию одинаково — как «коллективные феномены, для которых характерно, что в них участвуют популяции» (1997: 39).

По отношению к культурной информации, которая усматривается в содержании единиц и категорий естественного языка, а также в содержании текстов как продуктов языковой деятельности, следует выдвигать требование функциональной амбивалентности (Киклевич 2014: 156): культурные феномены с прагматической точки зрения инварианты, т.е. присутствуют в разных формах человеческой деятельности — не только языковой, но и в процессах запоминания, в решении невербальных задач (например, в задаче выбора), в визуальном восприятии, в формах социального поведения (социальных реакциях, телесных контактах), в оценках и др. Константы культуры именно и являются константами благодаря тому, что они, функционируя в рамках определенной сферы деятельности (науки, медицины, религии, армии, семьи и др.), обнаруживаются в ее разных формах, независимо от присутствия языковых знаков. На поверку же оказывается, что многие культурные концепты, рассматриваемые в этнолингвистических исследованиях, требования функциональной амбивалентности не выполняют: они окказиональны, т.е. «привязаны» к данной языковой форме и в других формах существования культуры не встречаются. «Национальное мировоззрение» не может быть реконструировано на основе так называемых ключевых слов, если во внимание не принимаются другие формы его репрезентации.

Идею о том, что знание не обязательно «культурно» и даже необязательно социально, высказывают представители социологии знания. Так, Бергер и Лукман пишут о «социальном распределении знания»:

Знание в повседневной жизни социально распределено, то есть разные индивиды и типы индивидов обладают им в различной степени. Я не разделяю свое знание в равной степени со всеми партнерами, и у меня может быть такое знание, которое я не разделяю ни с кем. Я разделяю свои профессиональные знания с моими коллегами, но не с семьей, и я могу ни с кем не разделять моего умения мошенничать в картах. [...] Это достига-

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

ет кульминации в необычайно сложных и эзотерических системах знаний (1995: 79 сл.).

Это означает признание факта, что влияние «социальных факторов» на содержание «идеальных факторов» относительно. Это имеет непосредственное отношение к языку, а именно — к его культурологической интерпретации. С точки зрения Бергера и Лукмана свойством языковых знаков является «отдаленность от непосредственных проявлений субъективности и опосредованное присутствие субъекта» (1995: 65 сл.). Языковая способность, по их мнению, проявляется в умении оперировать знаками независимо от «непосредственного здесь и сейчас с субъективных структур».

Эту позицию, как пишут Бергер и Лукман (1995: 20 сл.), занимал и Шелер: ставя своей целью создание философской антропологии, «которая могла бы выйти за пределы относительности точек зрения, зависящих от исторического и социального размещения», Шелер считал, что взаимосвязь между «идеальными и реальными факторами» носит исключительно регулятивный характер. Имеется в виду то, что

«реальные (т.е. культурные, социальные — А.К.) факторы» регулируют условия, при которых «идеальные факторы» (т.е. когнитивные репрезентации — А.К.) могут появляться в истории, но не могут влиять на содержание последних. Иначе говоря, общество определяет наличие («Dasein»), но не природу («Sosein») идей. Тогда социология знания оказывается процедурой, с помощью которой изучают процесс социально-исторического отбора идеационных содержаний. При этом понятно, что само содержание идей независимо от социально-исторической обусловленности, а значит, недоступно социологическому анализу (там же).

Подобную, в сущности, идею мы находим у Руди Келлера, хотя его теория базируется на иных теоретических предпосылках и имеет иную перспективу — анализ и интерпретацию языковых изменений. В предыдущей части статьи в связи с понятием культурной детерминации знаковых систем уже неоднократно упоминалось понятие интенции/интенциональности. Келлер показывает, что данное понятие неоднозначно: в действительности мы имеем дело с двумя типами намеренности. В первом случае речь идет о намерениях сделать что-то: намерение-план, например, выступает тогда, когда мы собираемся на следующей неделе покрасить забор. Во втором случае речь идет о намере-

нии, с которым выполняется конкретное действие, это — намерение-цель, с которым красится забор (например, чтобы он был крепче). Келлер подчеркивает:

Намерение, направленное на будущее действие, не идентично намерению, с которым выполняется действие. Когда я говорю, что у меня есть намерение покрасить на будущей неделе забор в саду, я ничего не говорю о том, с каким намерением я хочу красить забор. Я ничего не говорю и о том, какой цели служит это действие (1997: 41).

Келлер различает, кроме того, три типа объектов (1997: 113 сл.)

естественные феномены	• не являются целью человеческих намерений и (тем самым) результатом человеческих действий (прямая походка, язык пчел, погода, Альпы)
результаты человеческой деятельности	<ul style="list-style-type: none"> • артефакты: являются результатом действий людей и целями их намерений (Кельнский собор, пирог, гетто в Соуэто, эсперанто) • феномены третьего вида: являются результатом действий людей, но не целями их намерений (инфляция, тропинка на газоне, гетто в уГарлеме, естественный язык)

Анализ языковых изменений приводит Келлера к выводу о том, что процессы, происходящие в истории языка (а, как мы убедимся, также и в синхронии), имеют результативный и даже регулярный характер, но не имеют ничего общего с намерением языковых субъектов, т.е. по своей сущности являются неинтенциональными¹⁴. В связи с этим Келлер предлагает к о н ц е п ц и ю н е в и д и м о й р у к и: «Объяснение с помощью невидимой руки — это предположительная история феномена, который является результатом человеческой деятельности, а не выполнением человеческого плана» (1997: 84). Синдром «невидимой руки» означает, что диахронические факты языка непосредственно не связаны ни с намерениями-планами, ни с намерениями-целями — они, определяемые Келлером как к о л л е к т и в н ы е ф е н о м е н ы, являются побочным продуктом массового повторения операций с единицами языка¹⁵.

¹⁴ Здесь просматривается влияние социологии Эмиля Дюркгейма — см. его концепцию социальных фактов (Durkheim 2007: 30 сл.).

¹⁵ Келлер приводит цитату из работы немецкого экономиста XIX в. Карла Менгера: «Право, язык, государство, рынки, — все эти социальные образования в их разнообразных проявлениях и постоянном преобразовании представляют собой в немалой степени непредсказуемый результат социального развития» (1969: 163).

В КАКОМ СМЫСЛЕ ЯЗЫК ДЕТЕРМИНИРОВАН КУЛЬТУРОЙ?...

Действие невидимой руки во многом объясняет механизм культурной обусловленности языка: языковая система функционирует и развивается благодаря целенаправленным действиям отдельных субъектов, однако к появлению феноменов в области языковой номинации и языковой сочетаемости приводят не сами эти действия (т.е. интенции индивидов), а их коллективная реализация, которая не тождественна культурному программированию (или планированию) социального поведения. Подобную (весьма радикальную для своего времени!) мысль высказывал Фердинанд де Соссюр:

Это наблюдение помогает нам понять случайный характер всякого состояния. В противоположность часто встречающемуся ошибочному представлению язык не есть механизм, созданный и приспособленный для выражения понятий. Наоборот [...] новое состояние, порожденное изменением каких-либо его элементов, вовсе не предназначается для выражения значений, которыми оно оказалось пропитанным (1977: 118).

Принцип регулятивности в отношениях между языком и культурой означает, что социальная система представляет собой условие и область функционирования единиц и категорий естественного языка, хотя их содержательный потенциал формируется под влиянием совокупности внешних, а частично и внутренних факторов¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Л.М. Баткин, *О некоторых условиях культурологического подхода* // Б. Пиотровский (ред.), *Античная культура и современная наука*, Наука, Москва 1985, с. 303–312.
- П. Бергер, Т. Лукман, *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*, пер. Е.Д. Руткевич, Медиум, Москва 1995.
- В. Вундт, *Проблемы психологии народов*, пер. Н. Самсонова, Космос, Москва 1912, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Wundt/_PsNar_Index.php (13.09.2014).
- Д.Б. Гудков, *Коды русской культуры: проблемы описания*, «Мир русского слова» 2005, № 1–2, с. 25–31.
- У. Джемс, *Мышление*, пер. П. Юшкевича // Ю.Б. Гишпенрейтер, В.В. Петухов (ред.), *Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления*, Издательство МГУ, Москва 1981, с. 11–20.

¹⁶ Вторая часть статьи будет опубликована в следующем номере журнала.

- Е.В. Зарецкий, *Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками)*, Издательство Астраханского университета, Астрахань 2008.
- Ю.Н. Караулов, *Русская языковая личность* // Ю.Н. Караулов (ред.) *Языки и личность*, Наука, Москва, с. 3–8.
- М.Л. Ковшова, *Лингвокультурологический метод во фразеологии*, URSS, Москва 2013.
- Р. Келлер, *Языковые изменения. О невидимой руке в языке*, пер. О.А. Кострова, Издательство Самарского университета, Самара 1997.
- А.К. Киклевич, *Притяжение языка*, том 1: *Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика*, Centrum Badań Europy Wschodniej, Olsztyn 2007.
- А.К. Киклевич, *Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом*, Гуманитарный лицей, Харьков 014.
- С. Кузнецов, *Рождение Игры, смерть Автора и виртуальное письмо*, «Иностранная литература» 1999, № 10, с. 178–87.
- В.М. Мокиенко, *Языковая картина мира в зеркале фразеологии* // W. Chlebda (ред.), *Frazeologia a językowy obraz świata przelomu wieków*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2007, с. 49–66.
- А.В. Павлова, *Сведения о культуре и «этническом менталитете» по данным языка* // А.В. Павлова (ред.), *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*, Anthology, Санкт-Петербург 2013, с. 160–240.
- А.В. Павлова, М.В. Безродный, *Хитрушки и единорог: из истории лингвонарцисизма* // *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности»*, ред. А.В. Павлова, Anthology, Санкт-Петербург 2013, с. 138–159.
- В.Я. Пропп, *Структурное и историческое изучение волшебной сказки* // *Семиотика*, ред. Ю.С. Степанов, Радуга, Москва 1983, с. 566–584.
- А.И. Рейтблат, *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*, Новое литературное обозрение, Москва 2009.
- Э. Сепир, *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, пер. А.М. Сухотин, А.Е. Кибрик, С.А. Крылов и др., Прогресс, Москва 1993.
- Ф. де Соссюр, *Труды по языкознанию*, пер. А.А. Холодовича, Прогресс, Москва 1977.
- Э.Я. Фесенко, *Теория литературы*, Академический проект, Москва 2008.
- А.Д. Шмелев, *Русская языковая модель мира. Материалы к словарю*, Языки славянской культуры, Москва 2002.

W KAKOM SMYŚLE JAZYK DETERMINOWAN KULTUROJ?...

- R. Boroch, *Kultura w systematyce Alfreda L. Kroebera i Clyde'a Kluckhohna*, BEL Studio, Warszawa 2013.
- E. Durkheim, *Zasady metody socjologicznej*, пер. J. Szacki, PWN, Warszawa 2007.
- M. Fleischer, *Allgemeine Kommunikationstheorie*, Athena, Oberhausen 2006.
- A. Gut, *O relacji między myślą a językiem. Studium krytyczne stanowisk utożsamiających myśl z językiem*, Towarzystwo Naukowe KUL, Lublin 2009.
- B. Hansen, *Экономные как немцы. Национальные стереотипы и их отражение в коннотациях этнонимов в русском и других языках*. „Acta Neophilologica” 2006, VIII, с. 163–173.
- W. Henkman, *Max Scheler*, С.Н. Beck, München 1998.
- G. Hofstede, *Kultury i organizacje. Zaprogramowanie umysłu*, пер. М. Durska, Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, Warszawa 2007.
- R. Jurkowski, *Поляки и польский вопрос в жизни и деятельности Петра Столыпина в годы 1889–1911* [в печати].
- A. Kikiewicz, *Концепт! Концепт... Концепт? К Критике современной лингвистической концептологии* // A. Kikiewicz, A. Kamałowa (ред.), *Концепты культуры в языке и тексте* [Seria: Современная русистика: направления и идеи, t. 2], Centrum Badań Europy Wschodniej, Olsztyn 2010, с. 175–219.
- A. Kikiewicz, *Edward Sapir kontra lingwistyka kulturowa. O granicach metody antropologicznej w językoznawstwie* // Z. Nowożenowa (ред.), *Tekst jako kultura — kultura jako tekst*, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2011, с. 330–341.
- A. Kikiewicz, M. Wilczewski, *Współczesna lingwistyka kulturowa: zagadnienia dyskusyjne (na marginesie monografii Jerzego Bartmińskiego „Aspects of Cognitive Ethnolinguistics”)*, „Biuletyn PTJ” 2011, LXVII, с. 139–164.
- I. Kurcz i in., *Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej*, t. 1–2, PAN, Kraków 1990.
- A.L. Kroeber, C. Kluckhohn, *Culture: a critical review of concepts and definitions*, Peabody Museum, Cambridge 1952.
- A. Mańczyk, *Wspólnota językowa i jej obraz świata. Krytyczne uwagi do teorii językowej Leo Weisgerbera*, Wydawnictwo WSP, Zielona Góra 1982.
- C. Menger: *Gesammelte Werke*. Bd. II: *Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der politischen Ökonomie insbesondere*, J.C.B. Mohr, Tübingen 1883/1969.
- O.A. Radčenko, *Weisgerberiana Sovietica (1957/1990). Versuch einer Metakritik des Neuhumboldtianismus bzw. der Sprachinhaltsforschung*, „Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft“ 1992, № 2, s. 193–211.

- M. Scheler, *Die Wissensformen und die Gesellschaft*, Neuer Geist, Leipzig 1926.
- C. Travis, *The Uses of Sense. Wittgenstein's Philosophy of Language*, Oxford University Press, Oxford 1989.
- A. Tyrpa, *Stereotypy etniczne w różnych językach – narodowe? Międzynarodowe? Uniwersalne?* „LingVaria” 2013, nr 8(15), c. 145–154.
- L. Wittgenstein, *Philosophische Untersuchungen. Kritisch-genetische Edition*, Suhrkamp, Frankfurt am Main 2001.
- W. Wundt, *Grundriss der Psychologie*, Engelmann, Leipzig 1907.

Aleksander Kiklewicz

W JAKIM SENSIE JEZYK JEST DETERMINOWANY PRZEZ KULTURĘ?
O PRZEDMIOCIE I OGRANICZENIACH LINGWOKULTUROLOGII (I)

Streszczenie

Przedmiotem artykułu jest determinacja kulturowa systemu języka oraz działalności językowej. Autor przedstawia programowe założenia współczesnej lingwokulturologii (etnolingwistyki) oraz poddaje je analizie krytycznej, szczególnie zwracając uwagę na stosowany przez etnolingwistów uproszczony, jednowymiarowy model kultury, oparty na werbocentryzmie. Autor pokazuje konfrontację różnych źródeł przy eksplikacji tzw. językowego obrazu świata i bezzasadność badań w tym kierunku. Powołując się na socjologię wiedzy (w wersji Petera Bergera i Thomasa Lukmana), a także na teorię „niewidzialnej ręki” Rudi Kellera, autor przedstawia koncepcje zasady regulacji w relacjach między językiem/dyskursem a kulturą.

Aleksander Kiklewicz

IN WHAT SENSE LANGUAGE IS DETERMINED BY CULTURE?
ABOUT THE SUBJECT AND LIMITATIONS OF THE LINGUOCULTUROLOGY (I)

Summary

The subject of this paper is the cultural determination of language and linguistic activity. The author presents program assumptions of the contemporary linguo-culturology (ethnolinguistics) and subjects them to critical analysis, that especially concerns a simplified, one-dimensional model of culture, based on verbocentrism used by ethnolinguists. The author shows that different sources of explication of the so-called language world view contrast one another and studies in this direction are unfounded and have no perspective. The author refers to the sociology of knowledge (Peter Berger and Thomas Luckmann), as well as the Rudi Keller's theory of the "invisible hand". This is a basis of the concept proposed in the article of the regulating principle in the relations between language/discourse and culture.